

Жаровский Михаил
Дмитриевич

Очерки мифологии восточных славян. Люди и Боги.

16+

Михаил Жаровский

**Очерки мифологии восточных
славян. Люди и Боги**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жаровский М. Д.

Очерки мифологии восточных славян. Люди и Боги /
М. Д. Жаровский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся мифологией и историей славянских народов. Пользуясь данными сравнительной мифологии, археологии и этнографии, автор выявляет и анализирует характерные особенности культов Велеса, Перуна, Богини Матери и солярных божеств славянского пантеона. Большое внимание уделено рассмотрению верований, зародившихся в языческой среде и составивших в дальнейшем, основу "народного христианства".

© Жаровский М. Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Очерки славянской мифологии. Люди и Боги.

Краткий обзор источников для изучения славянской мифологии и религии.

В первой главе, я хотел бы поговорить об источниках информации, которыми мы будем пользоваться в данной работе, и провести краткий обзор научных исследований, проведенных за три столетия изучения мифологии древних славян.

Во-первых, как мне кажется, необходимо дифференцировать информацию, дошедшую до наших дней. Сведений о славянской религии и мифологии сохранилось крайне мало, а трудов подобных греческим эпосам Гомера и Овидия, просто нет. Даже древние скандинавские верования, оставили гораздо более глубокий след в мировой истории и литературе. Сохранились «Старшая» и «Младшая» Эдды – кладезь полезных фактов о религии и мифологии норвежцев и датчан. На Руси же большинство документов до монгольского периода было уничтожено и подобных произведений до наших дней не дошло. Почему так случилось, это отдельный вопрос, заслуживающий всестороннего изучения. Наша книга посвящена другой теме, поэтому просто примем как должность тот факт, что изучение комплекса верований и мифологических представлений, бывших характерными для наших предков, чрезвычайно сложный ребус и разгадать его практически невозможно. Вместе с тем, опускать руки не следует, и мы постараемся ответить на некоторые вопросы, поставленные историей перед современными учеными.

Для начала, вернемся к рассмотрению источников информации. Их можно условно разделить на несколько групп, различных по своим признакам и характеристикам:

1. Упоминания языческих богов древнеславянского пантеона в летописях, путевых заметках зарубежных авторов, и в поучениях отцов христианской церкви против язычников. Таких документов сохранилось крайне мало и они, при этом, содержат весьма скудную, а порой и противоречивую информацию. Однако, некоторые намеки и крохи истины можно извлечь и из них. Дело в том, что составители летописей не стремились запечатлеть сведения о древних верованиях. Н. М. Гальковский по этому поводу писал: "Никто не интересовался нашим язычеством, никаких записей на этот счет не было сделано. Кто писал о язычестве, тот стремился не к сохранению, к его искоренению. Таким образом письменные сведения отрывочны и случайны". И тем не менее, из русских летописей мы можем почерпнуть некоторые сведения о верованиях славян, о богах, которым поклонялись наши предки, о борьбе, которую вели христиане с язычниками. Из " Повести временных лет" мы узнаем, что древние русы заключали договоры с Византией и клялись при этом именами своих богов Перуна и Велеса. В древних документах есть рассказ с описанием идолов языческих богов, которые Владимир повелел установить в Киеве. Фрагмент летописи, посвященный крещению Руси в 988 году, дает нам весьма ценную информацию. Монах – летописец повествует о свержении идолов и разорение капищ в Киеве и Новгороде, описывает он и восстание волхвов, долгое время смущавших умы новообращённой паствы. Поучения святых отцов православной церкви против язычников и людей «двоеверно живущих» представляют немалый интерес и отличаются большой информативностью и достоверностью. Хотя языческие верования представлены в опусах святых отцов в негативном свете, мы можем получить общее представление о ритуалах и обрядах славян, против которых боролась на протяжении сотен лет православная церковь. Особенно ценным, в этом отношении, представляется «Слово святого Григория Богословца «О том, како първое погани суще языци кланялись идолом и требы им клали, то и ныне творят». Не менее интересным и перспективным для изучения древнерусским документом, является «Слово некоего христороубца, ревнителя по правой вере". Монах писавший поучение, сетовал на языческие обычаи народа, говоря что настоящий христианин не должен уподобляться «двоеверно живущим, верующим в Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла, в вилы, Рода и рожаниц".

Строптивные язычники Ростовской земли, не поддававшиеся христианскому влиянию, обличаются в «Слове в память святого Леонтия Ростовского». Их обвиняют в том, что «служили они твари бездушной яко богу».

Сохранились и доступны для изучения путевые заметки восточных путешественников и записи Византийских историков и писателей. Эти бесценные документы датированные временем крещения Руси, несомненно, могут послужить делу изучения славянских языческих верований. Будучи современниками, описываемых событий, иностранные путешественники, соприкасавшиеся с культурой Русского народа, оставили правдивые повествования о нравах, обычаях и мифологических представлениях, бытовавших среди русичей. Например Прокопий Кесарийский, в своей книге «Война с готами», подробно описывает верования наших предков : «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды... Они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания». Свои записи оставили и арабские купцы, путешественники и географы. Например Ахмед Ибн-Фадлан в путевых заметках пишет : «Гроза у них в стране бывает весьма часто и когда молния ударяет в чей ни будь дом, то они не приближаются к нему, а оставляют его, как есть, пока он не разрушится от времени. Они считают, что на этот дом обрушился гнев Божий». От него же, мы узнаем об обычае славян сжигать своих покойников. Он подробно описывает славянский погребальный обряд, скрупулёзно подмечая мельчайшие детали в ритуальных действиях наших предков.

К сравнительно позднему времени относятся сообщения католических миссионеров о храмах и идолах славян Полабья. «Славянская хроника» Пресвитера Гельмгольда относится к XII веку, но при этом, дает весьма точное представление о быте и верованиях западных славянских племен : «Среди множества поморских богов главным был Святovit, бог земли Ранской. Святилище Святовита находилось в священном городе на острове Ране (Руяне)». В библиотеках и архивах мы можем найти и другие сообщения священников католической церкви о быте и религии славян, относящиеся к XII-XIII векам. Между тем Римские миссионеры сталкивались, в основном, с западнославянскими племенами и культура восточных славян им была совершенно не знакома.

2. Труды ученых-историков, написанные начиная с XVII века содержат полезную информацию, хотя есть большой риск заблудиться в массе гипотез и теорий, выдвигаемых различными авторами. При использовании данных работ мы будем опираться на те горы фактического материала, которые были накоплены за три века изучения, интересующего нас вопроса. При этом личные гипотезы авторов, мы оставим в стороне, хотя я и не смогу полностью удалиться от дискуссии по ряду вопросов. Некоторые теории, господствовавшие в прошлом веке мы подробно рассмотрим и обсудим, выявив их слабые и сильные стороны.

3. Этнографический и лингвистический материал, собранный учеными и энтузиастами, знакомит нас со сказками, песнями и легендами славянских народов Данные этнографии и лингвистики просто клад для историка религии. В народной памяти сохранилось всё многообразие языческих верований древней Руси. Другое дело, что информация перешла в разряд сказки и народных легенд, утративших свой сакральный смысл. В наше время такой материал нуждается в расшифровке и правильной интерпретации. К тому же, сильное влияние христианской церкви беспощадно деформировало исходные мифы и религиозные представления, ставшие фольклором и получившие своё отражение и развитие в устном народном творчестве. Изначальные мифологические мотивы были переосмыслены в христианском ключе, персонажи исконных мифов поменяли имена, а древние славянские божества превратились в святых угодников Русской Православной Церкви. Языческие праздники славян, были перенесены на другие календарные даты из-за христианских постов, либо совпали с церковными праздниками и приобрели иное значение. Мало того, что праздники переместились в календаре, сама их языческая суть была погребена под спудом христианских представлений.

Мы можем использовать данные лингвистов, накопивших богатый фактический материал. Этнография и лингвистика, пожалуй, представляют самые информативные свидетельства, поэтому и обращаться к этим источникам, мы будем очень часто.

Фольклор был и остаётся золотой жилой для исследователей славянской религии и мифологии. Сказки, былины, обрядовые песни, заговоры, несомненно, содержат память о древнейших мифах и верованиях славянских народов. Проблема в том, что передаваясь из уст в уста на протяжении тысячи лет, такая информация сильно видоизменилась. Ведь известно, что чем больше существует посредников при передаче данных, тем дальше отстоит от первоисточника конечная информация. Мифы утратившие свою актуальность превратились в сказки. Обряды и ритуалы, изменив свой первоначальный сакральный смысл, стали просто набором непонятных движений и фраз. С утратой актуальности, было частично утрачено и содержание славянских религиозных обрядов и праздников. Главной причиной превращения мифа в сказку явился его разрыв с ритуалом, бытовавшим в племени. Ритуал не может существовать без объясняющего его мифа, и наоборот миф теряет свою ценность без ритуала.

Говоря о сказках мы, в первую очередь, имеем в виду «волшебные сказки», ведь именно такие повествования имеют генетическую связь с первоначальными мифами. Для семантики волшебной сказки характерно наличие бинарных аппозиций, противопоставлений между сказочными персонажами и понятиями, что говорит об их архаичности. Например : свой-чужой, добрый - злой, свет-тьма. Характерной чертой народных историй является, свободный переход героя между мирами. Герой очень просто попадает в тридесятое царство, или спускается в подземный мир, или на дно морское. В сказке передается и анимизм мифа, в ней все предметы являются живыми, имеют свою душу. И горы, и деревья, и ветер, и земля, и звезды – все одухотворено, все наполнено жизнью. Рыбы разговаривают с героем, серый волк становится помощником, а царевна-лягушка верной и любящей женой. Представители мифологической школы, Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев, считали одним из важных источников по изучению славянской религии и мифологии эпические песни, былины, сказания о подвигах русских богатырей.

К изучению фольклорного материала, необходимо подходить критически. В. Я. Пропп писал о том, что нужно учитывать влияние христианства и различных исторических событий на содержание былин, иначе окажется, что Владимир, прозванный в народном эпосе «Красное Солнышко» – бог солнца, а Илья Муромец, вдруг, окажется богом громовержцем. Тем не менее, исследователи сходятся во мнении, что в русском эпосе Змей, Тугарин, Идолище, Соловей-разбойник – древнейшие персонажи мифов, перешедшие затем в былинный эпос в качестве отрицательных героев, противостоящих русским богатырям. Не всё так просто с князем Владимиром и Ильёй Муромцем, но основная мысль В. Я. Проппа верна – необходимо критично подходить к отбору и интерпретации фольклорных источников.

Обрядовые песни и народные заговоры подверглись меньшей деформации чем сказки и другие жанры народного фольклора. Так произошло потому, что эти произведения остались в контексте ритуала. Песни и заговоры сопровождалась народными обрядами, которые прямо отсылают нас к языческим религиозным традициям. Песни приуроченные к календарным праздникам : колядки, веснянки, троицкие, купальские и другие, пронизаны магическим ареолам взаимодействия человека с одушевленными силами природы. Еще сильнее древняя магия проявляется в народных заговорах. Их формулы зародились и развивались вместе с архаичными ритуалами симпатической магии, где заговор выражал ее вербальную составляющую. Заговоры, в полной мере, сохранили анимистический взгляд на мир, где духи живут повсеместно, а природа наделена живой мыслящей душой. В формулах заговоров четко прослеживаются бинарные оппозиции типа свой – чужой, или добрый – злой. Свои духи – это духи предков, духи защитники, подпитывающие благотворной энергией и защищающие род от болезней и бед. Чужие духи – это духи неуспокоенные – навьи духи, вредящие племени, приносящие

беда и смерть. Часто навьи духи ассоциировались с духами присланными шаманом соседнего племени с целью навредить общине. Такая оппозиция характерна для всех архаичных племен, ведущих закрытый образ жизни. Австралийские аборигены до наших дней винят во всех бедах чужаков, иноплеменников, считая, что все напасти происходят от злой магии чужих колдунов. Свои же колдуны, в основном, приносят племени добро, помогая и оберегая сообщество людей от сглаза и порчи. То же относится и к духам покровителям и духам вредителям.

Лингвистические исследования дают пищу для размышления. Слово и миф тесно связаны между собой. В словах отразились древнейшие смыслы, в них заключены символы веры наших далеких предков. Очень важное значение изучению языка придавали исследователи мифологической школы А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня. Совсем не случайно А. Н. Афанасьев, начинает свое знаменитое исследование «Поэтические воззрения славян на природу», словами : «Богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое...» Исследуя язык, можно в некоторой степени реконструировать архаические мифы и религиозные представления славян. В целом, воссоздание мифологии наших предков, требует от исследователей всестороннего изучения семантики и этимологии слов и терминов, имевших сакральное значение для славян. Лингвисты могут проследить генезис имен языческих богов и богинь, наименования природных духов, составлявших низшую славянскую демонологию, провести аналогии между именами славянских богов и именами богов других родственного славянскому этносу арийских народов. Иногда, эта трудная работа даёт великолепные результаты, позволяя пролить свет на верования и обычаи людей живших много веков назад.

4. Мифы европейских народов многое могут сказать нам о славянской религии и мифологии. Большинство этносов, населяющих Европу, имеют общие арийские корни, а следовательно и мифология этих народов будет похожа. Существует, правда, маленькое но, вот это самое НО и портит всю картину. Казалось бы, чего проще, взять Греческую мифологию и просто подставить имена славянских богов, в нужных местах. К сожалению так не получится. Европейские народы отделились от единого арийского корня, несколько тысяч лет назад и дальнейшее их развитие шло разными путями. Различные природные условия, разный хозяйственный уклад жизни, различия в скорости социального, экономического и политического развития, все эти факторы оказали влияние на религиозные верования и развитие мифологических представлений европейцев. Однако, мы можем использовать мифы других народов для нашего исследования. По крайней мере, пользуясь этим материалом, мы будем иметь представление о том, как развивалась религиозная мысль родственных славянским народам и на этом основании сможем строить предположения относительно верований древних славян. Сходство в мифологии и религии дает нам повод для сравнения славянского и скандинавского пантеона богов. Так же интересно будет сравнить славянский пантеон и пантеон прибалтийских народов. Скандинавская религия имеет много общего с верованиями славян, но при этом есть и существенные различия, которые мы обязаны принять во внимание. У славян, Перун занимает главенствующее положение среди богов, а у скандинавов бог– громовержец Тор довольствуется лишь вторым местом, уступая первенство богу войны и магии Одину. Как раз в этом случае, мы можем говорить о разнице в климатических условиях, наложившей отпечаток на восприятие окружающей действительности архаичным человеком. Славяне селились в полосе умеренного климата, на богатых плодородных землях, и земледелие было основным занятием большей части народа. Земля приносила хороший урожай и Перун, податель живительного дождя необходимого для выращивания злаков становится для славян, богом покровителем и главным богом пантеона. Некогда воинственный громовержец скотоводов-ариев, претерпев трансформацию в бога покровителя плодородия и подателя земных благ, остался при этом богом-патроном воинов и князя, а так же верховным судьей. У скандинавов же первенство в пантеоне занял

Один, что совсем не случайно. Земли населенные скандинавами были мало пригодны для земледелия и скотоводства. Суровый северный климат делал сельское хозяйство экстремальным занятием, и громовежец для скандинавов не имел той важности, которую Перун представлял для славян. Скандинавы были профессиональными воинами и морскими пиратами, наводившими ужас на всю Европу, и закономерным стало главенство в их пантеоне бога войны— Одина. Нельзя забывать, что еще одной важной функцией верховного бога викингов, было покровительство магии и тайным искусствам, а так же скальдам-сказителям. Эта особенность не случайна, ведь Один древнейший представитель скандинавской мифологии, чей образ наполнен пережитками самых архаичных верований и шаманских практик характерных для северных народов. Отсюда происходит его связь с древней магией, запретной и, даже, призываемой другими скандинавскими богами.

Литовский Перкунас очень похож на славянского Перуна и, я думаю, будет возможно проводить аналогии между религией балтийских народов и религией славян, так как они тесно взаимодействовали на протяжении многих столетий. Некоторые учёные предполагают даже, некую общность балтийских и славянских племен на некоем этапе их развития.

5. Данные археологии являются достоверным источником сведений о жизни славянских племен. Главное достоинство археологических данных, вещественность предоставляемого материала. Данные археологии передают нам вещественные сведения об особенностях быта и религиозных верований славянских народов. Находки археологов доходят до нас без каких либо искажений, связанных с передачей их, от поколения к поколению. Между тем, археология, по сравнению с другими науками, дает весьма небогатый материал для изучения мифологии и религиозных верований. Ученые сталкиваются с большой проблемой в истолковании полученных данных. Порой значение одного и того же предмета, найденного при археологических раскопках, разные ученые трактуют по-разному. Археолог находит подвеску или браслет с изображением славянского божества или мифического животного, и тут встает вопрос, а как же интерпретировать находку? Какой бог изображен на подвеске, какое животное изображено на браслете? Точно так же дело обстоит и с захоронениями людей. Мы не знаем символики, характерной для древнейших погребальных ритуалов, поэтому нам трудно разгадать значения артефактов найденных в славянских могилах.

Предметы, найденные при археологических раскопках, условно можно разделить на несколько групп:

а) находки сделанные в захоронениях древних людей. Они позволяют реконструировать языческие погребальные обряды и понять представления наших предков о посмертной участи человека и его души. Понимание ритуалов, связанных с захоронением, дает нам возможность составить представление о загробном мире, понять как он представлялся славянам. Оружие, украшения, посуда, которую находят археологи в захоронениях, все эти вещи позволяют нам составить определенное мнение о том, что могло понадобиться человеку в его загробной жизни. На территории России славянских захоронений найдено достаточно много. Археологи раскопали большое количество курганов в Поднепровье, Полесье и Поднестровье, где были найдены предметы культа связанные с погребальными обрядами славян.

б) раскопки языческих святилищ дают представление о богах, которым поклонялись славянские племена в древности. Опираясь на археологические данные, мы можем реконструировать ритуалы жертвоприношений, свойственные нашим предкам. Иногда археологи находят сохранившиеся идолы, что позволяет установить внешний облик, почитаемых древними славянами божеств.

в) находки языческих украшений, несущих на себе религиозную символику. Это различные обереги из меди, бронзы или серебра. Подвески, серьги, поясные кольца и браслеты могут представлять интерес для исследователей. Славяне очень часто изображали на украше-

ниях мифических зверей, языческих богов, покрывали обереги орнаментом, несущим глубокий религиозный смысл.

г) ритуальные принадлежности, которые славянские жрецы использовали в религиозных обрядах. К таким находкам можно отнести различные изделия из кости, навершия жреческих посохов, личины, использовавшиеся во время языческих праздников, чаши и другие сосуды для гадания и жертвоприношений.

Все перечисленные выше источники информации, мы будем использовать для реконструкции верований наших предков. Однако, перед исследователем становится проблема интерпретации полученных сведений. Например, есть записи арабского путешественника, побывавшего в пределах южных славян, о том, что наши предки поклоняются богу грома и одному лишь ему приносили жертвы. Можем ли мы на основании этой записи делать вывод, что все славянские племена, и северные, и западные поступали точно так же? Мы даже не можем делать вывод, что описанное племя поклонялось только громовержцу. Были простые земледельцы и пастухи, а так же женщины, которые, кроме основного официального культа могли поклоняться десяткам менее значимых божеств. Обряды поклонения языческим богам можно увидеть и понять, только прожив длительное время среди народа и став членом общества. Современные ученые, к сожалению, делают однозначные выводы, основываясь лишь на предположениях, сделанных современными людьми. Те же проблемы встают и при изучении фольклора, который необходимо расшифровывать, отделяя самые древние, относящиеся к язычеству элементы, от более поздних наносных, связанных с христианским переосмыслением исходного сюжета. Работа с источниками это трудная задача, требующая специального образования. Свети воедино и правильно интерпретировать выводы всех специалистов, может только историк религии, имеющий знания во всех смежных отраслях науки. В России же, попытки реконструировать религию и мифологию славян, делали лингвисты, археологи, или фольклористы. Пользуясь материалами своей отрасли исторической науки, они создавали теории не считаясь с фактами полученными другими исследователями, а порой и просто игнорируя такие факты.

Давайте теперь коротко обозначим основные вехи в развитии исторических знаний о славянской мифологии и религии.

После крещения Руси в девятом веке начались гонения на языческую религию славян. Христианские священники взялись за дело с большим размахом и рвением. Языческие капища разорялись, идолы богов сжигались, топились, изрубались на куски, жрецы были объявлены вне закона. Христианская церковь приложила все свое немалое влияние для того, чтобы искоренить саму память о древней религии русского народа. Сыграло роль в этом процессе и умение христианской церкви приспособливаться к ситуации, включая языческие верования в свою структуру. Многие языческие боги, поменяв свое имя, органично вписались в иерархию святых православной церкви. Пройдя через период двоеверия, продлившийся порядка двухсот лет – на Руси сложилась синкретическая религия, совместившая в себе, христианскую веру греческого толка, с языческими верованиями древних славян. Велес стал Николаем Угодником, сохранив при этом все атрибуты и обязанности языческого божества, Перун стал осознаваться как Илия пророк, несущийся на огненной колеснице и пробивающий нечисть, громовыми стрелами молний. Он поменял имя, но сохранил свою языческую суть. Та же метаморфоза произошла и с другими богами славянского пантеона. Их святилища были разрушены, идолы свергнуты, имена жёстко табуированы, жрецы истреблены или изгнаны, но сами боги безболезненно перебрались под своды христианских церквей. Для простого человека такие изменения прошли практически незамеченными. Сменились имена богов, но суть осталась прежней. В пантеон древних богов добавился Бог творец, Сын и Святой дух, христианские святые и ангелы. В повседневную жизнь русского крестьянина вошли христианские посты, изменившие народный аграрный календарь, но народ приспособился и к этой перемене. Многие языческие праздники сдвинулись со своего места в календаре, другие совпали с христианскими праздниками, посвя-

ценными святым и угодникам. такой совмещенный христианско-языческий народный календарь просуществовал и до наших дней. Язычество же в чистом виде быстро стерлось из людской памяти. Уже через двести лет воспоминания о древней вере, остались в виде мифов, легенд и сказок, так же претерпевших сильное христианское влияние. Вся письменная наука той эпохи была сосредоточена вокруг церквей и монастырей, а христианские книжники не были склонны сохранять записи о языческой вере. Мы можем встретить, только, поучения против таких верований и ритуалов, составленные учеными мужами христианской церкви. Само собой разумеется, что в таких поучениях религия славян выставлялась в негативном свете, были затронуты только дурные стороны, или стороны явно отличные от доктрины церкви. Правдивость таких поучений можно поставить под сомнение так как христианские авторы склонны были преувеличивать безобразия, творимые идолопоклонниками, описывая те ритуалы, против которых выступала церковь. Примером такого поучения может послужить "Слово некоего христолюбца" девятого века: «Тако и сей (Христолюбец) не мога терпети хръстян двоеверно живущих. И веруют в Перуна, и в Хорса... И в Мокошь... И огневе моляться же ся, зовуще его Сварожичьм..." (Аничков, 1914) Обвиняли христиане язычников и в с разнузданных оргиях и в человеческих жертвоприношениях. Церковники использовали апробированный на них же прием. За несколько веков до этого, римские язычники обвиняли христиан в тех же мерзостях, приписывая им и дикие оргии, и жертвоприношения младенцев, и каннибализм, подразумеваемая поедание тела своего Господа, и питье его крови. Сами же христианские поучения против язычников, в которых упоминались имена языческих богов шли в разрез с доктриной ортодоксальной церкви, ведь упоминания богов строжайше запрещены, ведь церковь отрицает их существование. В псалмах содержится клятва: « не упомяну их имен устами моими».

Под воздействием вышеприведенных факторов память народа о своих прежних, древних верованиях была практически стерта. Не сохранилось до наших дней аутентичных изображений языческих богов, а под многовековым давлением христианской догмы были утрачены подробные описания мифологии наших предков. Новый интерес к этой теме возник лишь в начале семнадцатого века, когда зарубежные и отечественные авторы произвели неумелые попытки реконструировать пантеон славянских богов. В Европе получили хождение переводы латинской диссертации Михаэля ван Оппенбуша из Амстердама, расширенные и иллюстрированные. В этих переводных изданиях (Теофиля Вармунда, Георга Андреаса, Шлезинга и др.) Повторялась одна и та же гравюра, изображавшая русских языческих богов в виде зооморфных монстров. Это была, скорее, карикатура на настоящий славянский пантеон богов. Перун на гравюре – с женской грудью и собачей головой, Мокошь – с рогами и с козьими копытами на ногах, Хорс изображен с копытами и длинными висящими ушами, а Стрибог в виде головы с ослиными ушами. Другие исследователи за неимением подлинных данных, пытаясь воспроизвести пантеон древних славян по образцу греческого Олимпа, так же получили гротеск не имеющий к начальному образцу никакого отношения. Поляк, Ян Длугош в конце пятнадцатого века предпринял подобную попытку. Одних богов он брал из призывных восклицаний народных песен, других просто переносил из греческой мифологии. Пользуясь отрывочными сведениями Длугош так описывал идол Перуна в Киеве: " тело из дерева, голова из серебра, а ноздри из золота". Интересно, что усы поляк принял за ноздри. Такая вопиющая ошибка говорит о неточности либо плохом переводе информации, полученной Длугошем.

В 1674 году архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель издал «Синопис», или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-русского народа". Эта книга стала для России первым учебником истории и выдержала свыше тридцати переизданий. Автор так описывает языческих богов славянского пантеона, поставленных князем Владимиром, в Киеве: « В первых постави начальнейшего кумира именем Перуна бога грома, молнья и облаков дождевых на пригорку высоком над Буречевым потоком по подобию человеческу: тулуб (тулово) его бе от дерева хитростне изсечен ; главу имущу слиянну от сребра, уши златы,

ноги железны, в руках же держаще камень по подобию Перуна палающа, рубинами и карбункулем украшен, а перед ним огонь всегда горяще...». За Перуном перечисляются Волос, Позвизд, Ладо, Лель, Купало, Коляда и другие боги, но одного описания громовержца нам достаточно, что бы понять на каком низком уровне были в ту пору представления о славянских небожителях. В одном описании мы видим у Перуна золотые ноздри вместо усов, в другом места усам тоже не нашлось, их заменили золотые уши и железные ноги. Такое же расплывчатое представление, историки шестнадцатого, семнадцатых веков, имели и о других богах русского народа.

Лишь во время царствования Петра первого, пробудился интерес к религии славян у отечественных историков. На волне просветительской деятельности, проводимой Петром, в России появилась прослойка интеллигенции, которая интересовалась историей и религией своего народа. На волне возрождения русского самосознания появились произведения отечественных авторов, например «Краткий мифологический лексикон» М. Д. Чулкова от 1767 года и «История Российская» князя М. М. Щербатова от 1770 года и несколько других трудов. В этих произведениях воспроизводится информация «Синописа» Гизеля, либо записи зарубежных авторов. По этой причине, ничего нового в дело исторической науки эти труды не внесли. На этом фоне Выгодно выделялись произведения В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. Эти великие русские историки в воссоздании образов языческих славянских богов придерживались древнего летописного текста, хотя Ломоносов и признавал «древнее многобожие в России, сходствующим с греческим и римским».

В начале девятнадцатого века появились работы Г. Глинки и П. Строева, основанные на пересказе «Синописа», с добавлением некоторых малодостоверных фактов. Характеризуя этот ранний период изучения славянской религии, Л. Н. Виноградова пишет: «Движимые стремлением описать славянскую мифологию по аналогии с детально разработанной античной, авторы первых трудов по славянскому язычеству создавали длинные списки так называемых «божеств», названия которых добывались порой весьма сомнительными способами (например использовались неясные имена и названия, встречающиеся в поговорках, заговорах, формулах клятв и проклятий, песенных рефренах и т.п., а затем домысливался некий мифологический образ). Так возникли многочисленные лели, леды, любмелы, дзевой, поляндры, зимцерлы и прочие искусственно созданные персонажи, включенность которых в архаические верования славян не подтверждается не надежными письменными источниками, ни данными устной народной культуры». Как раз в начале девятнадцатого века, в России возникло сильное национально-патриотическое движение и авторы того периода пытались идти в ногу со временем, изображая славянское язычество в наиболее выгодном свете, миролюбивой и доброй религией, отличающейся от диких варварских религий соседних племен и народов. В тоже время, находясь под сильным влиянием православной церкви, многие надеялись сблизить славянское язычество с христианством, и тем объяснить быстрое и прочное укоренение православной веры на Руси. П. Строев так отзывался о славянском народе: «Тихие его нравы и обычаи, кроткая религия, обряды, исполненные человеколюбия, не производят в нас никакого ужаса, но наполняют душу чувством некоторого умиления...». Славян – язычников, автор описывает неотличимыми от христиан – то же смирение, та же доброта и благочестие. Еще столетие назад писали о кровавых жертвоприношениях на алтаре славянского громовержца – Перуна, о человеческих жертвах, погибших во славу этого великого и кровожадного бога. К середине XIX века все ужасы язычества были забыты, и оно представилось авторам новой волны в виде чудесной, волшебной сказки весьма далекой от реально существовавшей действительности. В середине века эта традиция была продолжена другими историками. Н. М. Костомаров считал, что «единобожие язычников-славян, неоспоримо и они поклоняются одному Перуну, как верховному богу, все же остальные божества всего лишь его проявления».

Второй крайностью в науке XIX века стало признание религии славян настолько бедной и бесцветной, что она не могла соперничать ни с одной другой религией и принятие христианства

сбыло неизбежным и исторически предопределенным шагом. Собственно этот подход лишал славян права на собственную религию, оставляя за ним возможность верить лишь в низших природных духов и демонов, домовых, леших, русалок, упырей и берегинь.

Ситуация поменялась после выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот грандиозный труд сделал достоянием общественности, описания первых веков русской истории и языческих верований древних славян. В частности, получили огласку сведения касающиеся, водружения князем Владимиром идолов на киевском холме у Боричева спуска. Работу Карамзина отличает от других трудов, большая достоверность сведений, которые Карамзин брал непосредственно из древнерусских летописей, считая информацию приведенную в «Синописе» недостоверной. Описание пантеона князя Владимира дало возможность сравнивать идолы древних славян с кумирами соседних народов, описанными в путевых заметках арабских купцов и сочинениях западных церковных авторов.

Только к середине XIX столетия, ученые «сравнительной школы» смогли уловить родство языков всех индо-арийских народов. На этом основании, ими была установлена схожесть мифологических систем всех арийских народов. Даже имена богов внутри арийского супер этноса оказались схожими. Сначала были предприняты попытки упрощенно решить эту задачу. Историки и лингвисты пытались путем простых аналогий сопоставить славянских богов с богами Индии. Например Прабоге – Парабрахму, Радегасте – Вишну, но вскоре, европейские и русские исследователи занялись более серьезными сопоставлениями. Они выяснили, что греческому Зевсу и римскому Юпитеру (Деус-питар), соответствует индийский Дьяус-питар, греческому Урану – индийский Варуна и т.д. Возникла теория о том, что все боги европейских народов восходят к единому арийскому пантеону. Перед исследователями вместо одного бога встал целый сонм древних богов, восходящих к общеевропейскому корню. Из этого течения в отечественной науке выделились ученые «мифологической школы», видевшие в славянских богах аллегорическое изображения стихий солнца и туч, дождя и засух, дня и ночи, тепла и холода. Исследователи составили диалектические системы, чтобы объяснить взаимодействие богов славянского пантеона. Для обоснования мифологической теории требовалось изучение сказаний и поверий русского народа. В середине века появились работы И. И. Срезанского и Д. О. Шеппинга. В своей книге барон Шеппинг предполагал в генезисе божеств два основных пути: через поклонение самим явлениям природы и через поэтические аллегории, отводя славянам второй путь. Развивая ту же идею о поэтических аллегориях, А. Н. Афанасьев в своих трудах, свел воедино огромное количество образцов устного народного творчества, поговорок, присказок, народных историй и сказок. Афанасьев, считал, что вера славян была основана на обожествлении и поклонении природным (метеорологическим) явлениям, необъяснимым для древнего человека. Воссоздавая пантеон древне-славянских богов, Афанасьев отводил главное место, Перуну, но так же отмечал и влияние бога Рода, имя которого, было выделено им из христианских поучений против язычников. Ученый считал Рода богом плодородия и производительных сил земли, конкурентом Перуна на престоле русского Олимпа. В этих воззрениях поддерживали его и другие ученые. А. С. Фамицин пошел еще дальше. В монографии «Божества древних славян», он пытался построить связную законченную систему, выстроив славянских богов в соответствии с рангом и родословной, по примеру греческой, римской и индийской мифологии.

К концу XIX века, получила широкую известность теория взаимных влияний или заимствований. Ее апологеты считали, что изначально славяне, как и другие народы Европы поклонялись силам природы, обожествляли реки, леса, поля, огонь и солнце. Позднее у славян выделились персонифицированные духи стихий, постепенно принявшие антропоморфный облик и ставшие богами. Вместе с тем, славяне не имели своих кумиров, и появились идолы только под влиянием соседних народов, варягов, иранцев и балтийских племен. По мнению ученых этой школы, князь Владимир незадолго до крещения Руси, пытался провести религиозную реформу

и привить подданным культы инородных богов, поставив их идолы в Киеве. Легкую победу христианства, историки, верившие в влияние инородных культов, объясняли отсутствием глубоких корней у русского язычества. Якобы вера в Перуна, Велеса, Мокошь, и Сварог существовала у славян всего десять лет, пока стояли на Киевском пригорке, Владимировы идолы. Поклонение чуждым богам, просто, не успело пустить глубокие корни в сознании русского народа.

Среди лингвистов получила большую популярность идея о некоем дуализме, составлявшем суть славянского язычества. На основе пары Белобог – Чернобог, ученые делали вывод о борьбе двух начал, отраженном в мифологии славян. Смелое предположение о противопоставлении доброго и злого, черного и белого, по аналогии с иранским зороастризмом волновало умы учёных на протяжении всего прошлого века. Зороастризм построен на борьбе Ахуромазда – доброго начала, со злым началом, духом зла и лжи, Ангриманья (Ахриман). Основываясь на апокрифических текстах характерных для народного христианства средних веков, в которых действуют Бог и Сатана, лингвисты считали такое же противостояние возможным и для языческих богов древней Руси.

В это же время, в России приобретал сторонников другой подход к изучению мифологии. Эволюционисты видели в славянском язычестве только веру в низшую демонологию, не оставляя места для развитого языческого пантеона. По мнению Л. Нидерле, в религии присутствует два слоя – низший демонологический, и высший, политеистический (развитый пантеон богов). Нидерле писал о том, что славяне в своем развитии сравнительно отстали от соседних народов, особенно заметно такое отставание, виделось автору, в религиозной и культурной сфере. Исследователь связывал такое положение с удаленностью славянского этноса от очагов мировой культуры и религиозной мысли. Он так же считал, что пантеон князя Владимира был принесен извне и был чужд русскому народу. «Только один круг, а именно балтийский создал ряд действительно славянских богов, создал и храмы и касту жрецов. Все это произошло под влиянием заморской германской культуры, которая в скандинавских землях и в вопросах религии была на более высокой ступени развития...». А. Н. Веселовский придерживался примерно такого же мнения, отдавая возможность русскому народу иметь, только лишь, низшую демонологию, веру в домовых и леших, русалок и берегинь. Такое отношение в научной среде было обосновано отсутствием достоверных источников информации. К началу девятнадцатого века русский народ, действительно, верил, лишь, в существование нечистой силы и стихийных духов, но это не говорит о том, что десять веков назад, дело обстояло так же. Язычество западной Европы, казалось ученым более развитым из-за обилия хорошо сохранившихся письменных свидетельств римских и греческих авторов.

К началу XX столетия сложилось мнение, что данных о вере предков крайне мало и этого явно не достаточно для изучения славянских верований. Ученые просто развели руками и признавшись в своей неспособности решить проблему, отложили задачу изучения славянской мифологии до лучших времён. Двадцатый век начался с волны скептицизма к изысканиям предшественников. Историки оспаривали значимость работ своих предшественников, проводивших изыскания в прошлые века. Например Аничков, критикуя работы ученых «мифологической школы», писал: «Мифологам хотелось бы расцветить и разукрасить грубый варварский мир в языческую пору. Национальная гордость влекла представить его в роскоши искусства и возвышенного миропонимания, а его поэзию и культ сделать достойными любования. Но скорбно читать у арабских и греческих писателей о грубости и грязи наших предков... Особенно грубо было язычество Руси, жалки её боги, грубы культ и нравы. Не поэтически смотрела Русь на природу, и не воссоздавало воображение никакой широко задуманной метафизики». (Аничков 1914). Так же Аничков отрицал четкое распределение функций между богами древних славян. По его мнению, божества русского пантеона еще не доросли до стадии развития, позволившей бы такое разделение обязанностей. Множество мелких божеств почиталось на

Руси, но все они были богами местными, племенными и не успели получить широкого распространения. Автор считал, что Перун, Велес, Сварог, Хорс – боги, несомненно великие, но свои ли они для славян? Аничков предполагал, что все главные боги славян были привнесены от соседей, многие пришли вместе с варягами и утвердились на Руси. Перун, всего лишь, переосмысленный на славянский манер, бог грома древних скандинавов – Тор.

Такое положение вещей просуществовало вплоть до революции. Еще в 1918 году Кагаров, выражая общий настрой, писал: «Русский Олимп беден, высшие боги немногочисленны и не имеют славянских корней, а вот низшая демонология – своя и богатая : русалки, водяные, лешие, домовые, упыри, волкодлаки, кикиморы...».

После октябрьского переворота, изучение славянской мифологии, долгое время оставалось не востребовавшей темой в исторической науке. В стране победившего атеизма, изучать древние религиозные верования славян, было незачем. Любые проявления религии, рассматривались в Советском Союзе, только с критической точки зрения и интерпретировались в духе материалистического учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому язычество древней Руси выглядело малоперспективной темой для научных изысканий советских учёных. Для идеологов новой власти куда выгоднее было клеймить своих идейных противников, христиан, иудеев и мусульман чем заниматься славянскими древностями. Мифология русского народа иногда затрагивалась в общих работах по истории религии, но отсылки к ней носили обзорный характер и, серьезных исследований никто не предпринимал. Ситуация начала меняться перед Великой Отечественной войной, а новый импульс в изучении славянских древностей появился только после войны. Вновь проснувшийся интерес был связан с изменением курса партии относительно религии в целом. К тому же, нация победившая в войне, вновь обрела чувство собственного достоинства и национальной гордости. Эти процессы, протекавшие внутри советского общества стали отправной точкой для новых исследований в сфере мифологии древних славян. К концу сороковых годов XX века, в науке, обозначились, четыре основных подхода к изучению обозначенной проблемы. Первый – стремление возвысить, придать дополнительную значимость славянским богам и религии славян. Уже в 1949 году академик Б. Д. Греков в своем труде «Киевская Русь» писал, что языческие верования славян являются продуктом собственного творчества народов, составлявших Киевское государство и прежде всего русского народа. Пользуясь теми же материалами что и исследователи начала двадцатого века, Греков, тем не менее, делал обратный вывод, давая славянской мифологии право на собственное зарождение и дальнейшее развитие. Он предложил метод периодизации древнерусской религии. По его мнению, на первом этапе развития почитали упырей и берегинь, потом бога Рода и Рожаниц, и лишь с переходом к развитому, классовому обществу, стали молиться Перуну. Продолжил дело Б. Д. Грекова, ведущий советский археолог Б. А. Рыбаков. Он развил и углубил концепцию возвеличивания славянского язычества, создав свои монументальные труды «Язычество древней Руси» и «Язычество древних славян». Б. А. Рыбаков считал культуру славян древней и более развитой, чем было принято до него. В своих трудах, Рыбаков разворачивал эпическое полотно славянского язычества, древнего и детально проработанного, не хуже чем у римлян и греков. Концепции Рыбакова были хорошо приняты в научном мире, чему сильно способствовало благосклонное отношение властей к изысканиям исследователя. Теории академика настолько сильно укоренились в научном мире, что и по сей день большинство ученых опираются именно на них. Особенно же они пришлись по вкусу неоязычникам в постсоветской России. На основе концепции возвеличивания древнерусской культуры и религии, апологеты неоязычества сделали вывод о великом прошлом русского народа и об исключительном месте славянской религии среди верований других европейских народов. Эти идеи были подхвачены сотнями популяризаторов и получили широкое распространение в современной России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.